

там и сям черточки бессердечной вульгарности со стороны кого-нибудь из действующих лиц рассказа, и вы чувствуете, что сердце автора сжимается от боли. Понемногу, постепенно эта нота все учащается и учащается; она все более заставляет обратить на себя внимание; она перестает быть случайной и становится органичной, и наконец в каждом рассказе, в каждой повести она уже становится главной преобладающей нотой. Рассказывает ли автор о легкомысленном бессердечии молодого человека, который «шутки ради» заставляет молодую девушку думать, что он ее любит, или об отсутствии самых простых человеческих чувств в семье старого профессора, — всегда звучит та же нота бессердечия и пошлости, то же отсутствие более утонченных человеческих чувств или — что еще хуже — полное интеллектуальное и моральное банкротство «интеллигенции».

Герои Чехова не из тех людей, которые никогда не слыхали лучших слов или вовсе не знакомы с идеями более высокими, чем те, которые обращаются в низших слоях филистеров. О нет, они слыхали такие слова, и когда-то их сердца тоже бились горячо при звуке этих слов. Но пошлая обыденная жизнь заглушила все такие стремления, апатия пришла на смену, и в удел им осталось одно прозябание изо дня в день посреди самой безнадежной пошлости. Пошлость, изображаемая Чеховым, начинается потерей веры в собственные силы и постепенной утратой всех тех ярких надежд и иллюзий, которые составляют прелесть всякой деятельности; и тогда, шаг за шагом, капля по капле, пошлость постепенно иссушает самые источники жизни: остаются разбитые надежды, разбитые сердца, разрушенная энергия. Человек достигает такого состояния, когда он может только механически повторять изо дня в день известные действия и валится в кровать, радуясь, что ему удалось убить как-нибудь время; им постепенно овладевает полная умственная апатия, полное нравственное безразличие. Хуже всего то, что самое обилие образчиков этой пошлости, даваемых Чеховым из самых разнообразных слоев общества, причем он никогда не повторяется, как бы указывает, что мы имеем дело с гнилостью данной цивилизации целой эпохи, раскрываемой автором перед нами.

Говоря о Чехове, Толстой сделал очень верное замечание, что он принадлежит к числу тех немногих писателей, произведения которых можно с удовольствием перечитывать. Это совершенно верно. Любое из произведений Чехова — будет ли это крошечная безделка, или небольшая повесть, или комедия — производит впечатление, которое не скоро забывается. В то же время оно отличается таким обилием деталей, превосходно подобранных для увеличения впечатления, что перечитывать его всегда доставляет новое удовольствие. Чехов, несомненно, был великим художником. Разнообразие мужских и женских типов из всех классов общества, появляющихся в его произведениях, и разнообразие психологических сюжетов — поистине поразительно. Но, несмотря на это, каждый рассказ носит такой отпечаток личности автора, что при чтении самого незначительного из них вы тотчас узнаете Чехова, его собственную индивидуальность и манеру, его понимание людей и явлений.

Чехов никогда не пытался писать длинные повести и романы. Его областью были небольшие рассказы, в которых он действительно был мастером. Он никогда не пытается дать полную историю своих героев, от рождения до могилы: такой прием вовсе не годится для рассказа. Он берет лишь один момент из их жизни, один случай, и рассказывает его так, что в памяти читателя навсегда запечатлевается тип изображенных им личностей; позднее, когда читатель встречает живое подобие этого типа, он невольно восклицает: «Да ведь это «Иванов» Чехова!» или: «Это «Душечка» Чехова!»

На пространстве каких-нибудь двадцати страниц и в границах одного эпизода в произведениях Чехова разворачивается сложная психологическая драма — целый мир взаимных отношений. Возьмем, например, коротенький и производящий глубокое впечатление очерк «Случай из практики». Это рассказ, в котором, в сущности, нет никакого действия. Доктор приглашен к больной девушке, мать которой собственница большой хлопчатобумажной фабрики. Они живут в богатом доме, вблизи фабрики, за ее стенами. Девушка — единственный ребенок, и мать боготворит ее. Но она несчастлива: ее беспокоят какие-то неопределенные мысли, — ее душит окружающая атмосфера. Ее мать также несчастлива, глядя на тоску горячо любимой дочери, и единственным счастливым существом во всем доме является бывшая гувернантка девушки, которая живет теперь с ней в качестве компаньонки; она одна вполне наслаждается роскошной обстановкой дома и изысканным столом. Доктора просят остаться на ночь, и он обиняками говорит своей страдающей бессонницей пациентке, что она вовсе не обязана оставаться здесь, что для действительно хорошего человека всегда может найтись такое место на земле, где он найдет деятельность по сердцу. И когда доктор на следующий день уезжает, девушка провожает его, одетая в белое платье, с цветком в волосах. Она глядит на доктора с глубокой искренностью, и читатель догадывается, что она решила начать новую жизнь. В этих тесных границах небольшого рассказа пред вами целый мир бесцельной филистерской жизни, жизнь на фабрике и целый